

Александр Романов

ДУМЫ

О ТВОРЧЕСТВЕ

Поэзия – смертельное дело. Она сжигает понявшего Ее человека зароненным в душу огнем. Истины, таящиеся в Ней, добываются из окалины слов и лет. Да, чтобы слышать Ее откровения, надо страдать, отрешаться от многих забот повседневной жизни. И долго страдать, влечь невидимые миру вериги. Лишь после таких испытаний допускает Она к своим тайнам, озаряет душу поэта простором неба. Но если поэт в отрешенной радости взлетит к ничтожным утехам, Она отнимет Слово и передаст другому избраннику. Она в своем деле беспощадна. Какие великие парадоксы заключены в Поэзии:

Свет ее вечен,
а век поэтов скоротечен.
Свет ее благоден,
а путь к ней тягостен.
Свет ее долог, а путь к нему горек.
Свет заманчив, да часто обманчив.
Поэзию тронь – спалит огонь.
В Слове – сила,
а под Словом – могила.
Стихотворная страсть для того,
чтоб пропасть ...
Страсть во взоре – рядом горе!
Рифмы жарко любя,
не спишь ли себя?..
Слово – что уголек.
Раздумай, да страшись:
Не спишь ли и жизнь?
Поэты не умирают,
они погибают ...

Столько лет прошло, а Яшин строго смотрит мне в глаза.
Какое же счастье, что я – все-таки поэт!..

Тяжело бывает, но слово, омытое слезами, вспыхивает в строке.

Поэтическое Слово – искра Вечности

Настоящие писатели материально всегда бедны, ибо самые глубокие мысли своего времени, открытые писательским прозрением, страданием, вечным трудом, неудобны, возможно, даже опасны. Лишь Время оплачивает признанием титанический подвиг таких писателей уже после их кончины.

Василий Юровский живет в г. Шадринске Курганской области. Вот что в нем до восторга удивляет меня: как он, из самых обычных будней, из самой океанной, заплеванной прозы жизни,

ее скукоты и нужды, как будто «из ничего» творит человечность и радость познания жизни.

Из быта у него возникает истинная поэзия бытия. В своих книгах он описывает лишь свою местность: речку Крутишку, леса и озера вокруг села Юровка, а читаешь его рассказы, миниатюры (стихотворения в прозе?) и представляешь огромный мир русской земли.

Талант – это в малом изобразить великое.

Суть истинной поэзии одинакова что в русском языке, что в любом другом. Не понимая чужой речи, понимаешь (принимаясь в себя) страсть ее и чувствуешь, что это – поэзия. Если по кругу читаются стихи, значит, здесь, в застолье – истинная жизнь и небо высоко.

Поэты создают согласие душ и умов, безопасность мира. Политики создают противостояние, раздоры и границы.

Поэзия – это не литература! Это воля, снисходящая на поэтов из высоких, таинственных сфер.

Это – жаркие соприкосновения с великим Духом. Я не знаю точно, как сказать, что такое поэзия, но чувствую, что она во мне вспыхивает зарницами! И тогда строки как будто возникают сами по себе. О них, таких, только что возникших, не помышлял я еще час назад, а – на тебе!

Поэзия великодушно относится к своей суровой сестре – Прозе. Не снисходительно, а даже заинтересованно.

Так чувствую я. Иначе к двадцати моим поэтическим книгам не прибавилось бы три книги лирико-философской прозы: «Версты раздумий», «Научиться бы жить», «Искры памяти». Без них мне нельзя было обойтись.

Вот, к примеру, «Искры памяти» – это вспышки моей совести и житейской благодарности людям, встречавшимся на жизненном пути: А. Яшину, С. Орлову, Ф. Абрамову, В. Белову, Н. Рубцову, С. Чухину и другим.

Все лето провел в Петряеве, и переду мной там, казалось, не затухал костер житейских раздумий. И я дивился сам, что из этих раздумий возникает прозаическая явь. Через Слово вновь воскресает ушедшая жизнь.

«Напиши такой стих, чтобы, прочитав его, маленькая душа стала большой», – так говаривал Степан Писахов, сказочник из Архангельска.

Талант предчувствует, а мудрость предвидит. В этом я убеждался много раз.

Неведома нам жизнь природы. Мы не умеем, не можем, а верней всего, не хотим постичь законы ее жизни. В ней такая нравственная суть и глубина, что она выше, божественнее, чем жизнь людская, подлая от эгоизма и слепая от бездуховности. Вот почему многих художников так тянет к изображению (т.е. проникновению) жизни Природы, а не людей.

Живопись – это осуществленная кистью Поэзия.

А строчки-то «притворяюшки»!.. С вечера лезут под перо, красуются, напрягаются под поэзию, а утром глянешь: ах, притворщицы, ах, дурнушки, желают выглядеть не теми, какими являются на самом деле. С ними нужно глаз держать остро! Иначе – обманут тебя!

Я всей душой за национальную самобытность в искусстве. А вот загадка – Моцарт! Есть ли в его музыке национальная самобытность? Можно ли о нем сказать, что он – национальный композитор? В моцартовской музыке даже для меня, глухого, слышится пение неба, чудится сияние божественных звуков и легкая, безграничная свобода души, и чистота чувств, и прозрачная глубина жизни, природы, Вселенной... Что это? Гений с божественной силой? Выше он национальных данностей? Чего-то я не понимаю...

Утром сажусь за письменный стол. И вдруг – тревога: а чем это я занимаюсь? Делом ли? И успокаиваюсь на мысли, что я восстанавливаю ушедшую жизнь и людские судьбы, унесенные от наших живых дней уже в вечность. Я как бы «поправляю» беспощадное время, заставляю его вновь сверкнуть отсверкавшими уже огнями, озарить нас давней жизнью и тем самым обогатить нынешнюю, а может, и будущую жизнь.

Открыл я книгу Василия Розанова «Опавшие листья», и страницы зашевелились сами, встали на ребро, започкачивались, словно бы задышали...

Я оторопел: что за мистика? Что за сила такая спрятана в этой книге, что будто ждала только этого мига, чтобы дать о себе знать?

...А ведь сила такая существует, только мы не видим ее, но чувствуем ее присутствие, как ветер, тоску, стужу. И ангельское веяние существует, словно бы касание висков и лба, такое свечное, ласково-теплое, радостно-вечное...

Я это испытал не раз и изумленно замирал от такой необыкновенности.

Я никому не подражал – ни Яшину, ни Орлову, ни Викулову, ни Рубцову... Мне хватало для моей поэзии того, что возгоралось в душе с юности, что навевали родные леса и поля, красно-речивая деревенская родня... И чем дольше я жил, тем больше удивлялся, что поэзия не покидает меня... Значит, родина моя – Русь моя – почитала меня своим сыном. Честным сыном...

Поэзия цветет лишь молодостью да мудростью.

Художественность, по-моему, – это зорко выявленная вечность в будничности. Это будничность жизни, повернутая к нам своей извечной стороной, это заново умытая красота и заново рожденная сила русского Слова. Это подслушанный голос вечности. Душа моя тоскует по такой художественности, по такой изобразительности жизни.

Глядя сейчас памятью своей на Николая Рубцова, думаешь: обладая даже значительными дарованиями, никто и никогда не сможет его заменить в русской поэзии, сказать «за него», как никто даже полслова не смог сказать за Федора Ивановича Тютчева. Таланты и гении неповторимы. На рождение их Природа и Время расходуют самые сокровенные свои силы и энергию.

Многие стихотворцы владеют словом, как театральным фонарем на подмостках жизни, но мало кто из них владеет словом, как свечой в потемках бытия. Поэтому лишь редкие из множества стихотворцев и являются поэтами...

Да и эта огромная разность выявляется крупно лишь после смерти истинных творцов. Вот в чем печаль!

Да, Время в каждом столетии из тысяч его летописцев «поселяется» в сочинениях лишь немногих, самых избранных. Вторая половина XX века – это А. Твардовский, А. Солженицын, В. Белов, В. Распутин, Ф. Абрамов, В. Астафьев, Н. Рубцов. И ми-

лый, незабвенный Александр Яшин – здесь же.

Я подумал: Василий Белов велик еще и тем, что каждую книгу он создавал в тот момент, когда именно в такой книге и нуждалось само Время, нуждался сам русский народ. Белов предвидел идущее Время. Он чутье и раньше других улавливает самый горячий момент, самую назревшую потребность жизни и таким творческим спешением, «угадыванием» творит заодно и само Время. Многие критики, как кроты, лишь норы рыли вокруг его творений, яростно подкапываясь под него, но самого писателя никогда не понимали, ибо были ему совершенно чужды.

Мои горькие и неотвязные раздумья о гибели (т. е. о безвременной смерти) одаренных поэтов – Сергея Чухина, Николая Дружининского, а недавно и Николая Фокина.

Все зло, вся беда – в пьянстве. Неужели одаренность нуждается в наркотике, в хмельном возбуждении? Или, может быть, лишь недостаточная одаренность нуждается в возбуждении водкой?

...Ведь само по себе поэтическое творчество – это божеское благоволение. Это веяние самого неба. Это откровения чистого сердца и высокого ума! И вдруг... водка! Это странный самообман якобы вспыхнувшего вдохновения или дружеского исповедания...

Надо бы написать об этом зажигающе и кратко, глубоко и страшно.

Надо, чтобы душа твоя не чувствовала гнета сытого тела – иначе не возникнут стихи. Голодай! Да, голодай! Как перед молитвой.

Глубина сказанного мной в поэзии и прозе – это долгота моей жизни во времени.

Применительно к себе скажу, что вся моя поэзия – это скитальчество по родной земле. За столом стихи я ни-

когда не писал и не пишу, складываю их на ходу, от кустика до кустика, как от строчки до строчки. В сотворении моих стихов участвует не одна моя душа, но и моя земля, молчаливая лишь для невнимательного прохожего, а для меня всегда веющая свежестью и тающая в себе невыговоренную боль, радость и мудрость человеческой жизни. Откуда берется поэтический образ? Это не просто художественная выдумка, а своеобразная энергетическая субстанция, пребывающая в самой природе. Это очень интересное и во многом таинственное явление. Как возникает, откуда берется первый толчок – сказать трудно, лишь чувствуешь блуждающий пучок энергии, стремящийся уплотниться в слово, в строку, в строфу!

Вот под нашей деревней протекает самый обыкновенный ручей, но и он как бы просил в стихи. И делать было нечего, как написать о нем такие строчки:

Шумчево, Шумчево –
Болотный ручеек.

О нем и молвить нечего,
А вот шумит меж строк.

И так почти всегда. Поэзия – это оживающая в слове Природа. В ней сияние божественной красоты и силы, явленной миру через поэта.

Наши стихи зачастую – лишь лирический комментарий или даже репортаж проживаемой нами жизни, а не постижение ее духовных тайн. Поэзия же – не корреспондентское служение своему времени, а взлет души в небеса времен! Это понял я слишком поздно...

Не люблю жидкое слово – ни в поэзии, ни в прозе, ни в публицистике. Слово должно светиться, как заново умытое, полное мысли и своего достоинства. В нем должен играть густой сок жизни.

Поэзия – это особые минуты прозрения истины, которые, кажется, недоступны для осмысляющего ума. Это редкие соприкосновения одной души с неслышными, потаенными вздохами всего человечества. Это попытки уловить словом проблеск Божественного в сиюминутном.

...Я работаю в русской поэзии уже более сорока лет, уже близок к полувеку.

Господи, как это я смог?..

Владеть Поэзией – значит владеть Временем. Да, да! Время влетает только в талантливые и мудрые слова. Собственно, поэтическое истинное Слово и есть самое Время. Живое, немеркнущее Время...

Слева направо стоят: Дмитрий Голубков, Леонид Беляев, Василий Белов, Виктор Коротяев, Александр Романов, Александр Яшин, неизвестный, Георгий Соколов, сидят: Николай Рубцов, Борис Чулков, Сергей Чухин.